

Как бы ни была разительна перемена, семья Тао наконец смирилась с тем, что их скромный страж Чэнъань на деле оказался могущественным Му Чэнъанем, великим князем и правителем государства.

На следующий день, когда регент снова переступил порог их дома, он с первого взгляда уловил перемену в настроении старших. Посмотрев на Юаньцзина, он безмолвно спросил.

«Тайна раскрыта?»

Юноша едва заметно кивнул — мол, всё сказано. Лицо Му Чэнъаня озарилось радостью. Он шагнул вперед, почтительно поддерживая старую госпожу под локоть:

— Бабушка, давайте пройдем в дом, поговорим.

У старушки от волнения подкосились ноги, а А Лань и Даюн и вовсе замерли, всё еще испытывая благоговейный трепет перед его титулом. Однако, взглянув в глаза мужчины, бабушка увидела в них лишь искреннюю заботу и смирение. Она окончательно успокоилась: будь он хоть трижды правителем, но, как и говорил внук, он действительно почитает их как родных. Иначе зачем бы столь великому человеку заискивать перед простыми людьми?

Старая госпожа легонько похлопала его по руке:

— Хорошо. Пойдем в дом, потолкуем. Юаньцзин, ты тоже иди с нами.

Так они и вошли: Му Чэнъань и его спутник бережно вели бабушку под руки. Даюн и А Лань переглянулись и, вздохнув, последовали за ними. Отец при этом расправил плечи — негоже было показывать робость, чтобы сын в глазах князя не казался человеком низкого звания.

Юаньцзэ и Ди Юй, завидев неладное, хотели было прокрасться следом, но У И вовремя увел мальчишек в сторону, выставив охрану, чтобы никто не смел мешать важному разговору.

Му Чэнъань усадил бабушку на почетное место, предложил присесть Даюну и А Лань, а затем, крепко сжав руку Юаньцзина, произнес с глубоким почтением:

— Бабушка, отец, мама, — от этих слов Даюн и А Лань невольно вздрогнули. — Отныне вы — моя семья. Спасибо, что позволили нам с Юаньцзином быть вместе. Клянусь вам: пока я жив, я не выпущу его руки и пройду с ним этот путь до самого конца.

С этими словами он потянул Юаньцзина за собой, и оба опустились на колени. Даюн порывался поднять их, но сын мягко остановил его:

— Папа, этот поклон мы обязаны совершить.

Бабушка торжественно произнесла:

— Что ж, я принимаю твою клятву. Но помни, князь: если мой внук когда-нибудь прольет из-за тебя слезы, я и с того света тебя достану.

— Обещаю. Присматривайте за нами, бабушка.

Му Чэнъань и Юаньцзин трижды коснулись лбами пола. Глядя на них, старая госпожа не смогла сдержать слез — она видела истинное сердце князя. Разве стал бы человек такого ранга унижаться, если бы не желал искреннее разделить жизнь с её внуком?

— Хорошо, вставайте. Юаньцзин еще молод, — напутствовала она, — так что тебе, князь, придется во многом ему потакать.

Му Чэнъань с улыбкой посмотрел на возлюбленного:

— Не беспокойтесь. Это Юаньцзин всегда помогает мне. Никто не посмеет его обидеть — и я в первую очередь.

Раз уж всё прояснилось, скрываться дальше не имело смысла. Они обсудили переезд, и только тогда Даюн с матерью поняли, зачем Юаньцзин так настойчиво выбирал усадьбу по соседству с княжеской резиденцией. План был прост: за закрытыми дверями между домами сделают проход, и никто из посторонних не узнает, как они живут. Да им и не нужно этого знать.

Му Чэнъань, хоть и желал бы объявить на всю Поднебесную, что Юаньцзин принадлежит ему, понимал, сколько бед это принесет. Глупцы сочли бы юношу коварным фаворитом, а не талантливым мужем, добившимся всего своим умом. В анналах истории осталось бы лишь клеймо «скверного временщика», а не доброе имя. Это ударило бы и по семье Тао: их потомки могли бы стать мишенью для императорской подозрительности. А потому лучше было просто закрыть двери и наслаждаться счастьем вдвоем.

Семья понимала это не хуже регента. Если бы не страх, что Юаньцзин останется на старости лет в одиночестве, они бы никогда не благословили его союз с женщиной. Но раз уж так суждено — пусть это останется их общей тайной.

Столица

По возвращении в город семья Тао немедленно занялась переездом. Старший брат Ди пришел

со своей супругой помочь с вещами. Узнав, что соседом будет сам князь Чжэньбэй, тот сперва затревожился, но, вспомнив, как высоко регент ценит своего младшего соученика, успокоился. Под защитой такого покровителя никто не посмеет причинить Тао вреда.

Он и не догадывался, что по приказу Му Чэнъяня в стене между поместьями уже пробили потайную дверь.

Едва семья обосновалась на новом месте, князь совершил еще одно важное дело: он официально вычеркнул Му Цзиньсюаня из родовых книг. Некогда заносчивый «маленький князь» вместе с Тао Юйчжу был изгнан из резиденции. Теперь он стал простым смертным, к тому же калекой — одна его нога так и не восстановилась.

Му Чэнъянь давно мечтал избавиться от этого напоминания о воле покойного императора. К тому же теперь, когда Юаньцзин был рядом, он не желал видеть в своем доме этих людей. Резиденция была окончательно очищена от подсланных слуг и старой скверны.

Столица замерла в ожидании: многие спорили, когда же регент избавится от Цзиньсюаня. Ведь эта затея старого императора — навязать князю бастарда под видом наследника — была верхом цинизма, и даже знатные роды молчаливо сочувствовали Му Чэнъяню.

В кругах высшей аристократии шепотом передавали истинную причину: Му Чэнъянь лишен возможности иметь детей из-за коварства покойного монарха, желавшего прибрать к рукам военную мощь Севера. Этот поступок был не просто жестоким, он был омерзительным. Отдать своего внебрачного сына на воспитание врагу — такое унижение можно было терпеть лишь до смерти мучителя.

Хоть все и догадывались о крови Цзиньсюаня, официально его статус не был подтвержден, а потому никто из старейшин рода не рискнул вступить за него. Несостоявшийся наследник пытался было просить приюта у князя, который считался его отцом до усыновления, но тот наглухо закрыл перед ним ворота, не желая признавать позор.

В итоге двое старых князей из императорского рода решили уладить дело миром, чтобы не позорить имя династии. Они снарядили повозку и отправили Му Цзиньсюаня вместе с Тао Юйчжу в отдаленное, глухое поместье. Там им велели доживать свои дни под строгим надзором, запретив покидать земли. Это и честь семьи спасло, и регента не прогневало — все знали, как он презирает своего бывшего «сына». Лишь спустя годы, когда юный император повзрослеет, быть может, он вспомнит о непризнанном дяде, но в это мало кто верил.

Му Чэнъянь остался доволен таким решением. Юаньцзин же и вовсе выбросил Тао Юйчжу из головы. Он знал, что Цзиньсюань, вытащив её из темницы, лишь искал новую жертву для своей злобы, и жизнь девушки превратилась в нескончаемую череду мучений. Вряд ли ей суждено было протянуть долго.

Между тем сельскохозяйственные орудия, созданные Юаньцзином, прошли испытания на императорских полях. Результаты превзошли все ожидания. Министр Юй, ознакомившись с

чертежами, представил доклад регенту, и тот пригласил сановников лично убедиться в мощи новых механизмов.

Когда вельможи увидели, как ножная молотилка в считанные мгновения справляется со снопами, их изумлению не было предела. Для крестьян, изнывающих от тяжкого труда, это стало бы истинным спасением. Улучшенный плуг, водоподъемные колеса для полива и прочие приспособления заставили чиновников ахнуть: неужели всё это — дело рук юного Тао Юаньцзина и его мастеров?

Регент приказал немедленно начать внедрение этих новшеств по всей стране. Уездные управы должны были выдавать механизмы крестьянам в аренду, чтобы успеть собрать урожай без потерь.

На этот раз Му Чэнъань не стал повышать Юаньцзина в чине — тот и так рос слишком стремительно, не стоило лишней раз дразнить завистников. Князь верил: с таким талантом юноша еще не раз заслужит награды, всему свое время.

Днем они оставались строгими государственными мужами: один — великий правитель, другой — исполнительный чиновник пятого ранга. Но стоило солнцу сесть, и оба возвращались в свои дома. Регент через потайную дверь шел к семье Тао на ужин, а после — забирал Юаньцзина за руку в свои покои.

Некоторое время спустя

Слуги в княжеской резиденции, давно предупрежденные управляющим, принимали господина Тао как полноправного хозяина. Лишние разговоры пресекались на корню — князь не знал пощады к болтунам. Со временем все привыкли. Честно говоря, прислуживать Юаньцзину было куда приятнее, чем капризной княгине, а то, что у их господина не будет наследников... Что ж, лишь бы он был счастлив. А князь после того, как тот поселился рядом, пребывал в отменном расположении духа.

В одну из таких ночей

Му Чэнъань затащил Юаньцзина в спальню, где они предавались любви с особой страстью. Юноша, хоть и обладал внутренней силой и закаленным телом, под утро лежал на простынях совершенно обессиленный. Он мог лишь гневно взирать на этого ненасытного человека, который, казалось, никогда не знал усталости.

Му Чэнъань с упоением поглаживал гладкую спину возлюбленного, и его ладонь медленно

скользила всё ниже.

— Если будешь так смотреть на меня, — прошептал он с лукавой искрой в глазах, — боюсь, я снова не сдержусь.

Юаньцзин уткнулся лицом в подушку, глухо ворча:

— Уйди...

Голос его охрип и звучал теперь как мягкое кошачье мурлыканье, что лишь сильнее раззадорило князя. Тот прикусил его ушко, вызывая у Юаньцзина невольную дрожь до самых кончиков пальцев.

— М-м? Разве я был плох? Неужели мой дорогой Юаньцзин до сих пор считает, что я для него староват?

Юноша резко вскинулся, зажимая ухо руками и широко распахнув глаза:

— Так ты из-за этого?! Ты слышал те слова?!

Оказывается, всё это время — и те бесконечные ночи, когда князь не выпускал его из объятий, пока не выжимал до капли — были ответом на ту случайную фразу, брошенную им для успокоения родных? И он дождался момента, чтобы предъявить счет?

Му Чэнъань, подперев голову рукой, приподнял бровь:

— А ты как думал? Я просто обязан был доказать тебе на деле, что еще полон сил.

Юаньцзин в сердцах бросился ему на шею, шутливо пытаясь придушить, чтобы заставить взять слова обратно. Разве он знал, что невинная ложь обернется против него самого?

Впрочем, побег не удался: Му Чэнъань снова перевернул его, словно золотистую рыбку на сковороде, и продолжил свои ласки. Князь тренировался долгие годы — разве мог Юаньцзин, при всем своем искусстве, вырваться из его рук? Пришлось ждать еще лет двадцать, прежде чем их силы сравнялись бы.

Той ночью огни в спальне долго не гасли.

На следующее утро

Юаньцзин ожидаемо не смог подняться с постели, а Му Чэнъань, бодрый и сияющий, отправился во дворец на совет, не забыв по пути заглянуть в министерство, чтобы лично попросить отгул для своего «соседа».

Никто не задавал лишних вопросов. Соседство регента и господина Тао было общеизвестным фактом, а то, что князь благоволит к талантливому юноше, казалось всем вполне естественным.

В глазах чиновников

С годами их союз лишь креп, а Юаньцзин становился всё более значимой фигурой в империи. Никто не смел называть его фаворитом — его заслуги были слишком велики. При его участии регент создал мощный флот, способный защитить берега от пиратов. Когда первые корабли вернулись из дальних стран, привезя несметные богатства, весь двор ахнул. Оказалось, за морями скрыт целый мир, полный возможностей для торговли.

Юаньцзин возглавил ведомство морской торговли, которое вскоре стало главным источником пополнения казны. Это позволило регенту из года в год снижать налоги для крестьян. Благодаря новым семенам и методам возделывания, жизнь простых людей на глазах становилась всё краше.

За эти достижения Юаньцзин удостоился титула хоу Цзинхя и стал первым советником империи. Он обучал юного императора и при поддержке Му Чэнъаня основал Императорскую академию, а затем и сеть школ по всей стране, воплотив в жизнь мечту о доступном образовании.

Богатство, принесенное морской торговлей, позволило вкладывать огромные средства в просвещение. Юаньцзин открыл даже школы для девочек — сперва в столице, а затем и в провинциях. И хоть поначалу это вызывало ропот, со временем люди приняли новые порядки.

Он преданно наставлял маленького государя, не желая, чтобы тот когда-нибудь восстал против регента. Мальчик рос под присмотром двух великих мужей, и идеи Юаньцзина о будущем мира расширили его кругозор. Он научился смотреть на вещи шире и глубже, чем любой монарх до него.

Когда императору исполнилось двадцать лет

После того как государь вступил в брак, Му Чэнъань передал ему бразды правления. Юаньцзин остался на своем посту, а его спутник занялся реформой армии, окончательно усмирив

кочевников на границах и подарив стране долгий мир.

Конечно, шептуны пытались настроить государя против князя, пугая его «волчьими амбициями» регента, который никак не выпускал из рук военную власть. Но император, воспитанный Юаньцзином, верил им обоим. Князь был для него и отцом, и учителем, образцом для подражания. Он мечтал лишь об одном — стать таким же великим, как Му Чэнъань.

К тому же, через Императорскую военную академию князь подготовил новое поколение полководцев, верных не лично ему, а государству. По сути, он сам разрушил старый порядок, где армия подчинялась лишь воле одного военачальника. С поддержкой своего наставника, император официально поддержал все действия Чжэньбэя.

Когда границы империи были в безопасности, Му Чэнъань окончательно сложил с себя полномочия и стал простым преподавателем в военной академии. А в сорок лет, будучи в самом расцвете сил, Юаньцзин тоже подал в отставку, к великому изумлению двора. Он попросил лишь об одном — позволить ему возглавить Императорскую академию в качестве ректора.

Император долго не хотел отпускать верного советника, но, видя его твердость, сдался.

К тому времени Тао Юаньцзэ уже занял свое место в чиновничьем аппарате. В отличие от брата, он выбрал военную стезю. В науках он был не силен, но в стратегии и фехтовании проявил истинный дар. Пройдя через сражения вместе с Му Чэнъанем, он заслужил славу и почет, а после — закончил академию и стал доверенным генералом императора.

Юаньцзэ женился и, к радости старших, за три года обзавелся двумя сыновьями. Всего у него родилось четверо сыновей и три дочери. Младшего из мальчиков отдали на воспитание Юаньцзину, когда тот уже отошел от дел. Хоу Цзинхай с радостью посвятил себя ребенку.

Жена Юаньцзэ не возражала — ведь её сын, воспитанный самим маркизом, со временем унаследовал бы его титул и почести. О такой судьбе для младшего ребенка можно было только мечтать.

Старая госпожа прожила долгую и счастливую жизнь. Она скончалась в возрасте восьмидесяти семи лет, тихо уснув в окружении любящих детей и внуков. Уходила она с легким сердцем: её любимый Юаньцзин не остался один, его союз с князем был крепче любого брака, а в доме звенел детский смех.

Она знала: там, за чертой, она сможет с гордостью сказать мужу, что их внук стал лучшим человеком на свете. А на её восьмидесятилетний юбилей поздравить её пришел сам император — о такой чести любая старушка могла только мечтать.